

В.В.Ткаченко

**ПАМЯТНИКИ И СВЯТЫНИ ДРЕВНЕГО КИЕВА
В ВОСПРИЯТИИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII в.**

V.V. Tkachenko

**MONUMENTS AND SHRINES OF ANCIENT KIEV IN
THE PERCEPTION OF THE 18th-CENTURY TRAVELERS**

Аннотация: Важной характеристикой исторического сознания является отношение общества к памятникам старины. Признание или отрицание ценности материальных остатков прошлого, практика посещения исторических мест и сам отбор этих мест отображают особенности формирования национальной идентичности и патриотизма. Одним из главных символов древней русской истории на протяжении столетий оставался город Киев. Его культурный образ многослоен, в нем сочетаются как светские, так и религиозные черты. Месту Киева в общественном сознании на разных этапах исторического развития посвящено немало исследований. Большинство из них основывается на анализе исторических и литературных сочинений, политической риторике, дипломатических переговорах и транслируют в значительной мере официальную идеологию государства и церкви. Вместе с тем, большой интерес для изучения бытового исторического сознания представляют источники личного происхождения, к которым относятся дневники и мемуары путешественников. Сопоставление оценочных суждений и описаний киевских достопамятностей, отраженных в путевых заметках XVIII в., показывает большое разнообразие взглядов на русские древности в Новое время. Краеугольным камнем культурного образа Киева был Киево-Печерский монастырь, который позиционировал его как святой город, место крещения Руси и жизни первых русских подвижников. Культ киевских святых поддерживался печатными изданиями монастырской типографии и привлекал в город многочисленных паломников, движимых не столько жаждой познания русской истории, сколько христианской ревностью. Образованное дворянство, напротив, находило в посещении памятных мест, прежде всего, культурно-исторический интерес. Древнерусские храмы они

---

* *Ткаченко Виктория Владимировна*, соискатель, специалист по учебно-методической работе кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Tkachenko Viktoriya Vladimirovna, Specialist in Teaching and Guiding, Department of Russian History until the Beginning of the 19th Century, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-495-939-54-40; victory.tkachenko@gmail.com

сопоставляли с памятниками европейской архитектуры, воспринимая их как эстетическую и художественную ценность. В записках иностранцев прослеживается в целом скептическое отношение к святости киевских реликвий, их внимание больше привлекает светская история города. Наконец, при организации торжественных приемов венценосных гостей прослеживается сопоставление киевской древности с античностью. Отсутствие единства в восприятии главного символа древней русской истории показывает, сколь глубока была культурная стратификация общества в XVIII столетии.

Ключевые слова: Киево-Печерский монастырь, Софийский собор, историческая память, мемуары, путевые заметки, паломники, памятники архитектуры, Антоний Печерский, Екатерина II.

Abstract. An important characteristic of historical consciousness is the society's attitude towards ancient monuments. The recognition or denial of the value of material remnants of the past, the practice of visiting historical places and the very selection of these places reflect the characteristic features of the formation of national identity and patriotism. For centuries, the city of Kiev remained one of the main symbols of ancient Russian history. Its cultural image is multilayered; it combines both secular and religious features. A lot of research is devoted to the place of Kiev in the public consciousness at different stages of historical development. Most of them are based on the analysis of historical and literary works, political rhetoric, diplomatic negotiations, and propound to a large extent the official ideology of the state and the church. At the same time, sources of personal origin, which include the diaries and memoirs of travellers, are of great interest for studying everyday historical consciousness. The comparison of the value judgments and descriptions of Kiev landmarks, reflected in the travel notes of the 18th century, shows a wide variety of views on Russian antiquities in modern period. The cornerstone of the cultural image of Kiev was the Kiev-Pechersk Lavra Monastery, which defined it as a holy city, the place where Russia took the baptism and where the first Russian ascetics lived. The cult of the saints of Kiev was propagated in the publications printed by the monastery printing house, and attracted to the city numerous pilgrims, driven not so much by the thirst for knowledge of Russian history but by Christian zeal. The educated nobility, on the contrary, was primarily interested in cultural and historical aspect of visiting sites, comparing ancient Russian churches with European architectural monuments, perceiving them as aesthetic and artistic treasures. The notes of foreigners reflect a generally sceptical attitude to the sanctity of Kiev relics. Nevertheless, the secular history of the city attracts their attention. Finally, we can trace a comparison between the ancient Kiev and the antiquity in the descriptions of ceremonial receptions of crowned guests. The lack of unanimity in the perception of the main symbol of ancient Russian history shows how deep the cultural stratification of society was in the 18th century.

Keywords: Kiev-Pechersk Lavra Monastery, Saint Sophia Cathedral, historical memory, memoirs, travel notes, pilgrims, architectural monuments, Anthony Pechersky, Catherine II.

Особое место Киева в историческом сознании русского общества неоднократно отмечалось исследователями (Б.Н. Флоря¹, О.П. Толочко², В.М. Рычка³, И.С. Булкина⁴ и др.). Этот город стоял у истоков древнерусского государства, на протяжении столетий был его политическим, экономическим и духовным центром, воспринимался как «мать городов русских», символ исконного могущества и единства⁵.

В XVIII в. Киев был одним из самых посещаемых городов Российской империи. Он находился на перекрестье крупных транспортных путей, ведущих в Европу и к Черному морю, служил военным форпостом, развивался как центр образования и просвещения, но, главное — являлся крупнейшим местом православного паломничества, привлекавшим тысячи богомольцев своими святынями. «Язык до Киева доведет», — говорили в народе⁶.

Записки и воспоминания многочисленных путешественников, посещавших древнюю столицу в XVIII в., безусловно вызывают интерес как исторический источник. Их собирание началось еще в XIX в. В 1874 г. Киевской археографической комиссией был опубликован «Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей»⁷, куда вошли описания города, начиная с летописных извлечений и до свидетельств конца XVIII в. Ряд воспоминаний был издан Л. Синицким в журнале «Киевская Старина»⁸. Такие публикации носили характер ретроспективного обозрения и были призваны перенести читателя в атмосферу городского прошлого.

¹ Пацуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

² Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Україна і Росія в історичній ретроспективі Т. 1. Киев, 2004.

³ Рычка В. М. «Київ — другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Киев, 2005.

⁴ Булкина И. С. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Дисс. РНД. Тарту, 2010.

⁵ Ткаченко В.В. Древний Киев как «место памяти» историческом сознании эпохи Средневековья и раннего Нового времени // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего. Саратов, 2018. С. 223–227.

⁶ Сборник пословиц А.И. Богданова (1741 г.) // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л., 1961. С. 118.

⁷ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874.

⁸ Синицкий Л. Малороссия по рассказам путешественников конца прошлого и начала нынешнего столетия // Киевская старина. 1892. Т. XXXVI. С. 226–259; Синицкий Л. Путешествия в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И.М. Долгорукаго // Киевская старина. 1893. Т. LX. С. 274–292.

С начала XX в. отдельным объектом исследования стала культура путешествий (К.В. Сивков⁹, В.А. Михельсон¹⁰, С.А. Козлов¹¹, М.С. Стефко¹² и др.). Усилился интерес к изучению традиций православного паломничества¹³ и путешествиям венценосных особ¹⁴.

Вместе с тем, анализ записок путешественников открывает широкие перспективы для изучения исторической памяти. На фоне официальной идеологии и общественно-политической риторики, яркие впечатления очевидцев от посещения исторических мест и, в частности, Киева, являются проявлениями живого исторического сознания. Знакомство с ними дает возможность проследить, как по-разному могли видеть город наблюдатели, находившиеся в нем одновременно, каким было их отношение к древностям и как формировался образ Киева в повседневном восприятии людей Нового времени.

В рамках исследования был проведен сопоставительный анализ свидетельств 29 путешественников, побывавших в Киеве на протяжении XVIII в. Среди них — записки посадского человека (М.Г. Нечаева), представителей духовенства (И. Лукьянова, Г. Скопина, отца Игнатия, инока Серапиона, митрополита Ионы), происходившего родом из семьи священника чиновника (Г.И. Добрынина), дворян (Е.Р. Дашковой, Д.И. Фонвизина, В.В. Измайлова, А.А. Полетики, Е.Ф. Комаровского, Р.А. фон Каульбарса), академиков (И. Лерхе, И. Гильденштедта), европейцев (Р. Эребо, Ю. Юля, И. Мёллера, Л.-Ф. Сегюра), венесуэльца (Ф. де Миранда), турок (Мухаммеда Дервиша-Эфенди, Шехди Османа, Мухаммеда Неджати-Эфенди) и др., а также известия о путешествиях венценосных особ (Петра I, Елизаветы Петровны, Павла Петровича, Екатерины II). В центре внимания находились их впечатления от посещения киевских древ-

---

⁹ Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914.

¹⁰ Михельсон В.А. Русский путевой очерк XVIII — первой половины XIX века. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Киев, 1972.

¹¹ Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения: в 3 т. Т. 1. СПб., 2003.

¹² Стефко М.С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010.

¹³ Шульга Я.М. Паломничество до київських православних святинь у XVIII ст.: соціоантропологічний вимір. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 2015; Поплавская Х.В. Народная традиция православного паломничества в России в XIX — XX веках: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.

¹⁴ Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России // Журнал министерства народного просвещения. 1872. Т. 162. Ч. 2. С. 1–51; Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины II по России. М., 2005; Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006; и др.

ностей: храмов, святынь и памятных мест, связанных с историей домонгольской Руси.

Основные идейные позиции восприятия христианских памятников ранее были сформулированы Л.А. Беляевым¹⁵. Дополнив его перечень, отметим, что среди путешественников, посещавших Киев в XVIII в., преобладали следующие точки зрения: 1. Религиозная, предусматривающая богослужebное использование церковных памятников и их почитание как христианских святынь. 2. Художественно-эстетическая, сфокусированная, в первую очередь, на художественной ценности памятников как произведений искусства. 3. Научно-аналитическая, видящая в остатках прошлого предмет для исследований. 4. Политическая, воспринимающая прославление национальных древностей как один из элементов формирования государственной идеологии. 5. Скептическая, «отрицающая всякое значение церковных (иногда и всех средневековых) древностей»¹⁶. Эти позиции могли как сочетаться, так и выступать в своих крайних проявлениях. Учитывая, что подавляющая часть памятников киевской старины имела церковный характер, отношение к ним во многом зависело от конфессиональной и национальной принадлежности их посетителей. Немаловажную роль играли изначальные цели поездки, знакомство путешественника с печатными описаниями города, общие ожидания от посещения древней столицы.

В XVIII в. Киев представлял собой пограничный город, состоявший из трех обособленных друг от друга частей: Старого или Верхнего города, Печерской крепости и Нижнего города (Подола)¹⁷. Раскинувшийся на высоком берегу Днепра, утопая в зелени садов, он еще издали поражал приезжающих живописностью вида: «Со стороны Днепра, по причине гор, Киев представляет собой прекрасную картину; множество церквей, венчающих возвышенности, делают ландшафт этот очаровательным»¹⁸. С 1730-х гг. архитектурной доминантой города стала колокольня Киево-Печерской лавры, которая была «так высока, что еще издали прежде всех предметов» возникала «пред взоры путешественника»¹⁹.

---

¹⁵ Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000. С. 415.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ерофалов Б. Регулярная перепланировка Киева как опыт преемственного преобразования городской структуры // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. Вип. 1. Киев, 2004. С.80

¹⁸ Закревский Н. Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 93.

¹⁹ Посещение Новороссийского края Ионою, митрополитом Руисским. Тифлис, 1852. С. 20.

Древние православные храмы Киева, в Средние века сильно пострадавшие от татарских набегов и польской католической экспансии, к этому времени уже обрели новую жизнь в блеске украинского барокко. Путешественники могли осмотреть отреставрированные Успенский собор и Троицкую церковь Киево-Печерского монастыря, Софийский собор, Михайловские соборы Выдубецкого и Златоверхого монастырей, церкви Спаса на Берестове, Трех Святителей, Святых Кирилла и Афанасия, Успения Богородицы Пирогощи и др. Среди множества новых каменных церквей особое место занимал храм Рождества Пресвятой Богородицы, построенный в память об утраченной Десятинной церкви.

Городские предания хранили память и о других местах, связанных с древней русской историей. Среди них — гора, где, по легенде, апостолом Андреем Первозванным был воздвигнут крест (на этом месте по приказу императрицы Елизаветы в 1754 г. была построена Андреевская церковь), «Аскольдова могила», Крещатик (по народной молве — источник, где были крещены дети князя Владимира²⁰) и др. В одном из городских валов в 1750 г. «для сохранения и вида древности» были засыпаны землей Золотые ворота²¹.

Еще до прибытия в Киев, путешественники могли получить сведения о его истории и достопримечательностях из печатных описаний. Роль первого путеводителя по киевским святыням играл Киево-Печерский патерик. В его многочисленных печатных изданиях²² традиционное повествование о жизни печерских чудотворцев было дополнено вставками из истории Руси, картами пещер и достопамятностей. Ни один из других русских городов в это время не имел аналогичных планов, предназначенных для его посетителей.

На «печатное описание пещер» ссылаются в своих записках Р. Эребо²³, Ю. Юль²⁴, И. Лерхе²⁵, Д.И. Фонвизин²⁶, В.В. Измайлов²⁷,

---

²⁰ Мечта о русском единстве. Киевский Синописис (1674). М., 2006. С. 105.

²¹ *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. С. 325.

²² На сегодняшний день известны издания 1635 (на польском языке), 1661, 1678, 1702, 1760, 1762, 1777, 1783 гг. и др.

²³ *Эребо Р.* Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 378.

²⁴ Записки Юста Юля датсакого посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899. С. 345.

²⁵ *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. С. 92

²⁶ *Фонвизин Д.И.* Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия // Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.; Л. 1959. С. 567.

²⁷ *Измайлов В.В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 1. М., 1805. С. 27–28.

Г.А. Скопин²⁸ и др. Кроме того, на основе «Патерика» строили свои рассказы монахи, служившие проводниками в пещерах и переводчиками для иностранцев²⁹, распространяя предания о печерских подвижниках в устной традиции. В конце XVIII в. появляются и другие печатные путеводители: «Краткое историческое описание Киевопечерския лавры»³⁰, «Краткое историческое известие о Киеве»³¹, «Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях рода Рурикова»³², «Достопамятнейшие древности в Киеве»³³.

Издания Киево-Печерской типографии были ориентированы, в первую очередь, на паломников и формировали образ Киева как святого города. Каждый год монастырь посещало в среднем 130 тыс. богомольцев³⁴. Их записки передавали благостный образ райского святого края.

«В Киеве монастырей и около Киева зело много, и пустынки есть. Райския места, есть где погулять!.. — писал московский священник Иоанн Лукьянов. — И пошли во Антониеву пещеру, и тут видели преподобных отец в нетленных плотех... толь множество их, что звезд небесных, все яко живы лежат — дивное чудо!»³⁵. Посадский человек Матвей Гаврилович Нечаев пришел «поклониться в святой Печерский монастырь» из Ярославля, «и виде тамо лавру зело предивну, на берегу Днепра... и походив по пещерах малый час, и почудихся преподобных тех отец таковым многолетним трудам»³⁶.

Отец Игнатий, совершая паломничество в Святую землю, прибыл «из Курска в Киев и дойдох в пещеры и поклонихся гробом

---

²⁸ Скопин Г.А. Дневная записка пешеходца — саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1881. С. 74.

²⁹ Записки Юста Юля датскаго посланника при Петре Великом (1709–1711). С. 344.

³⁰ Краткое историческое описание Киевопечерския лавры. Киев, 1791.

³¹ Краткое историческое известие о Киеве. Киев, 1791.

³² Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях рода Рурикова. Киев, 1791.

³³ Достопамятнейшие древности в Киеве. Киев, 1791.

³⁴ Шульга Я.М. Киевские паломники XVIII века: социоантропологическая характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31). Ч. 1. С. 200–203, 201.

³⁵ Путешествие в святую землю Московскаго священника Иоанна Лукьянова. 1710–1711. М., 1862. С. 12–13.

³⁶ Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719–1720 года). Варшава. 1875. С. 5.

преподобных отец Антонию и Феодосию»³⁷. Одухотворение от посещения киевских святых породило в нем «желание воспринять монашеский чин»³⁸. Инок Серапион «от монастыря Матроновскаго идох на поклонение в Богоспасаемый град Киев, и тамо, поклонившись чудотворной Пресвятыя Богородицы иконе, и Преподобным Отцем Печерским, и Святой Великомученице Варваре, и Святителю Христову Макарию, возложившись на Господа и Пречистую его Матерь и Святых его угодников, яхся благополучно намереннаго... пути»³⁹.

Сын священника Г.И. Добрынин отмечал, что крайне сильное впечатление произвел на него «долгий, подземельный с закоулками ход, из-под сводов которого души преподобных вознеслись в селения небесная»⁴⁰. Созерцание гробов святых «умножило» в нем «священное почитание к месту», а нетление мощей «избиеннаго от Ирода младенца» (которых он на самом деле «не видал, но видел ящик, довольно высоко прибитый к стене») уверяло его в истинности описанных в священной истории событий⁴¹.

Таким образом, в восприятии богомольцев историческая древность не была главной ценностью Киева. Она меркла перед святостью места, вневременной и вечной. Видимым подтверждением этому должны были служить «живые» на протяжении столетий печерские чудотворцы, над которыми мирское время не было властно. Киевские святые не воспринимались как часть ушедшего прошлого, они продолжали творить чудеса и в настоящем.

Среди воспоминаний духовенства выделяются лишь записки митрополита Ионы (Гедеванишвили), жившего в Киеве в 1792–1794 гг. Будучи церковным иерархом, направленным в город по долгу службы, он менее эмоционален и, кроме святых, интересуется хозяйственным устройством Печерского монастыря (келий, погребов и кухни)⁴².

---

³⁷ Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет 1766–1776 гг. // Православный палестинский сборник. Вып. 36. СПб., 1891. С. 2.

³⁸ Там же.

³⁹ Путник или путешествие во Святую Землю Матронинскаго монастыря инока Серапиона 1749 года // Чтения общества истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1873. С. 78.

⁴⁰ Добрынин Г.И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752–1827 // Русская старина. № 2. 1871. С. 148.

⁴¹ Там же.

⁴² Посещение Новороссийского края Ионою, митрополитом Руисским. С. 20–21.

До середины XVIII в. церковный образ Киева заметно преобладал над светским. Первая и на протяжении полутора столетий самая популярная печатная книга по русской истории, «Синописис» Иннокентия Гизеля, также изображала его как «богоспасаемый преславный и первоначальный всея России Царственный град», «с пребогатыми сокровищи, церквами святыми и обителями, с... чудотворною Лаврою Печерскую Киевскою, и с Преподобных отец Печерских нетленными, многочудесными и многоцелебными мощами»⁴³.

Попытки создать светское описание города долгое время не имели успеха. Отвечая на запрос о городских древностях в 1760 г., киевская губернская канцелярия сообщала, что «при Киеве старых городов оставшихся развалин и городищ и никаких признаков ныне почти не видно»⁴⁴, об основании города «в Киевской губернской канцелярии известия не имеется», «а что оный город верхний давно был от татар и других народов осаждаем и разоряем, о том с происходимого в народе слуху известно, но когда именно и от кого те разорения чинимы были, неизвестно»⁴⁵. Целый ряд составленных в XVIII в. топографических и исторических описаний Киева вплоть до конца XIX в. так и не был опубликован⁴⁶. Помимо вышеперечисленных церковных изданий, в распоряжении путешественников могли быть лишь устаревшее и не переведенное на русский язык «Описание Украины» Г. Боуплана⁴⁷, где содержался общий перечень главных городских достопримечательностей (по состоянию на середину XVII в.), и некоторые сведения из сочинений И. Гербиния⁴⁸ и В. Рубана⁴⁹.

Для путешествующих дворян приезд в Киев непременно сопровождался визитами к родственникам или знакомым. Часто это была лишь промежуточная остановка по дороге в Европу. Посещая всё те

---

⁴³ Мечта о русском единстве... С. 214.

⁴⁴ Описание г. Киева, составленное Киевской губернской канцелярией в 1760 г. // А. А[ндреевский]. Исторические материалы из архива Киевского губернского правления. Вып. 3. Киев, 1888. С. 140.

⁴⁵ Там же. С. 117–118.

⁴⁶ Описание града Киева в 1753 году в Печерской Лавре сочиненное // Архіви України. 1984. № 5. С. 42–51; Новгородцев В.И. Географическое описание города Киева // Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874. С. 125–155.

⁴⁷ *Beauplan G. Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne.* Rouen, 1660.

⁴⁸ *Herbinius I. Religiosae Kijovensae cryptae sive Kijovua subterranean.* Jenae, 1675.

⁴⁹ *Рубан В.* Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России. СПб., 1773.

же святые, представители высших сословий делали акцент на их эстетической и художественной ценности, нередко сравнивая с зарубежными достопримечательностями.

«В Киеве, — вспоминала о своем путешествии Екатерина Дашкова, — я встретила радушный прием со стороны генерал-губернатора Воейкова, родственника моего мужа, отлично образованного человека... Он был моим проводником в пещеры, вырытые в центре горы, на которой раскинулась часть города. В этих подвалах хранятся мощи святых, уже несколько веков как умерших, каким-то чудесным образом нетленные. Он также показал мне собор Печерского монастыря, замечательный по его древней мозаике на стенах. В одной из богатых церквей, столь многочисленных в этом городе, уцелела фресковая живопись, представляющая соборы, бывшие в Киеве до отделения русской иерархии от константинопольской»⁵⁰. «Ездил я суженою в Печорский монастырь, — писал Д.И. Фонвизин. — Соборная церковь прекрасна, но весьма далеко отстала от римской церкви святого Петра; оттуда ездили мы в монастырь Софийский, где нашел я несколько мозаичной работы»⁵¹. «Приближаясь к стенам Печерской Лавры, вы видите на святых воротах праведных мужей, оживленных не кистью славного Эспаньоleta, но рукою усердной набожности», — отмечал В. Измайлов, имея в виду живописца «которой в одной неапольской церкви... написал мастерски образа 12-ти Пророков»⁵².

Тот же интерес к архитектуре и живописи прослеживается в записках иностранцев. Вместе с тем, зарубежным путешественникам свойственно, в целом, скептическое отношение к святости православных реликвий. Датский посланник Ю. Юль, отметив великолепие киевских храмов, прямо называет печерских святых «воображаемыми»⁵³: «Мне показывали их руки и ноги: они почернели, ссохлись и, вследствие сухости (воздуха в пещерах), завялились, в виду чего (этих людей) и стали признавать и почитать за Святых»⁵⁴. И.В. Мёллер, так и не успевший посетить Святую Софию, довольствовался слухами: «Говорят, что в Софийской церкви есть картины Рубенса и Рафаэля Урбино, а также и картины à la Mosaique». Его

---

⁵⁰ Записки княгини Дашковой // Русская старина. 1906. № 4. С. 38.

⁵¹ Фонвизин Д.И. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия // Собрание сочинений в 2 томах. Т. 2. М.; Л. 1959. С. 567.

⁵² Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 1. М., 1805. С. 19.

⁵³ Записки Юста Юля датскаго посланника при Петре Великом. С. 347.

⁵⁴ Там же. С. 344.

впечатления от поклонения мощам печерских чудотворцев весьма характерны: «У каждого из них богомольцы открывают свой кошелек, и деньги остаются на платьях святых для поминания пришедших. Так как однообразие утомляет, то мое внимание было больше направлено на картины, которыми келии святых были украшены богомольцами, и я очень жалею, что должен был довольствоваться только взглядом мельком на них»⁵⁵.

Посетивший Россию в 1786–1787 гг. будущий национальный герой Венесуэлы Франциско де Миранда видел в православном богослужении много «нелепого и суеверного»⁵⁶. Он отмечал, что в пещерах из-за большого скопления людей царила «сильная духота»⁵⁷, что в церкви Печерского монастыря, напротив, «пол устлан железными плитами и потому дьявольски холодный»⁵⁸. Софийский собор он называет одним «из самых старинных и замечательных здешних храмов», не преминув добавить, что «на куполе и хорах сохранилась довольно древняя мозаика, выполненная в скверной манере эпохи упадка империи»⁵⁹. Помимо этого, Миранда упоминает о своем поиске руин «знаменитой старинной церкви Св. Василия, где есть древнегреческие надписи»⁶⁰ и осмотре множества церквей. Однако наилучшее впечатление на него производят поздние постройки — «Братская церковь» («одна из самых больших и красивых») и церковь св. Андрея, которая «хотя и невелика, отличается хорошим стилем и правильными пропорциями»⁶¹.

Отдельную группу путешественников составляли ученые-исследователи, приезжавшие в Киев в ходе научных экспедиций. Печерские пещеры были для них объектом для изучения, а нетленность мощей чудотворцев они пытались объяснить рационально. Описывая свое посещение монастыря, академик И. Лерхе подробно фиксирует особенности устройства подземного хода («вышиною в сажень, свод коего дугообразен, а пол вымощен кирпичом»), стен («столь же крепки, как бы из кирпича, впрочем можно их скоблить...»⁶²) и т.д. Он отмечает, что «идя в пещеры, взял... с собою Фарингейтов

---

⁵⁵ Мёллер И.В. Киев в 1787 г. и дед покойного Н.Х. Бунге // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 9. Отд. 2. С. 66.

⁵⁶ Миранда Ф. Путешествие по Российской Империи. М., 2001. С. 104.

⁵⁷ Там же. С. 141.

⁵⁸ Там же. С. 203.

⁵⁹ Там же. С. 147, 148.

⁶⁰ Там же. С. 92.

⁶¹ Там же. С. 148.

⁶² Закревский Н. Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 92.

термометр, наполненный спиртом. В пещере температура оказалась + 41 градус ..., а до того при входе + 70 градусов»⁶³.

Академик И. Гильденштедт, как геолог, останавливается на свойствах «легкой железистой почвы, состоящей из смеси глины и песка», и указывает на то, что «благодаря свойству гор, а также высокому и крутому положению, в пещерах очень сухо; поэтому легко могло получиться, что тела усопших, погребенных в пещерах, не разложились, а высохли»⁶⁴. Несмотря на явное преобладание естественнонаучных интересов, Гильденштедт демонстрирует прекрасное знание русской истории. В частности, он упоминает о том, что Софийский собор был построен Ярославом Мудрым «по образу собора в Константинополе, на месте, где он разбил печенегов»⁶⁵, подробно освещает историю Десятинной церкви, Михайловского Златоверхого монастыря и др.

Среди множества поводов и причин для приезда в Киев необходимо отдельно выделить визиты высокопоставленных лиц, вызванные политическими или военными нуждами. На протяжении XVIII в. Российская империя активно расширяла свои юго-западные границы, участвовала в череде русско-турецких войн и разделах Польши. В этом контексте Киев играл роль ключевого стратегического пункта и военной крепости как в русско-польских, так и в русско-крымских и русско-турецких взаимоотношениях.

Через Киев регулярно проезжали турецкие послы, направлявшиеся в Санкт-Петербург. Из оставленных ими описаний города видно, что привлекавшие внимание других путешественников христианские святыни турок, как мусульман, почти не интересовали. В то же время, их поездки явно несли отчасти разведывательную функцию, а потому внимание было сконцентрировано на устройстве военных укреплений. «Город *Kive* (sic!), — писал Мухаммед Дервиш-Эфенди, — состоит из двух крепостей, отдельных и расположенных одна против другой; они окружены рвами, снабжены кругом подкопами, и наполнены войсками, под начальством одного из важных Генералов»⁶⁶. Шехди Осман также описывает в первую очередь устройство крепостей («окружены не доступными ни для

---

⁶³ Там же. С. 93.

⁶⁴ *Güldenstädt J.A. Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge*. St. Petersburg, 1791. P. 349. См. также: *Синицкий Л.* Путешествие в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И.М. Долгорукого // *Киевская старина*. Т. LX. 1893. С. 280.

⁶⁵ *Güldenstädt J.A. Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge*. St. Petersburg, 1791. P. 352.

⁶⁶ Посольство Дервиша-Михаммед-Эффендия в Россию, в 1168 году эгиры (то есть 1755 после Р. Х.) // *Северный архив*. 1826. Ч. 19. № 1. Отд. 1. С. 6.

конных, ни для пеших бесчисленными земляными валами и рвами, а также палисадами и укреплениями в виде труднопроходимых барьеров и плотин»⁶⁷) и упоминает лишь о расположении внутри Печерской крепости «в высшей степени доходного монастыря», где «в числе погребенных последователей веры имеются несколько избранных монахов, наиболее почитаемых из всех». С его точки зрения, посещение Киева императрицей Елизаветой происходило лишь «под предлогом паломничества», а на самом деле, вероятно, «для какой-нибудь тайной цели»⁶⁸. «Крепость Новый Киев угрожаема со стороны Очакова, — обращал внимание турецкий пленный Мухаммед Неджати-Эфенди. — Да будет облегчено, если Богу угодно, покорение ее мусульманами!»⁶⁹.

Неоднократно на протяжении XVIII в. приезжали в Киев российские венценосные особы. Во время Северной войны здесь трижды бывал Петр I (в 1706 и 1709 гг.). В 1744 г. совершила визит Елизавета Петровна в сопровождении наследника престола, великого князя Петра Федоровича и его невесты, юной Екатерины Алексеевны. В 1781 г. проездом в Европу Киев посетили Павел Петрович с супругой Марией Федоровной. И, наконец, в 1787 г. Императрица Екатерина II провела здесь целую зиму во время своего триумфального путешествия в Тавриду, целью которого было посещение недавно присоединенных к Российской империи южных земель.

Русское правительство видело в Киеве, с одной стороны, важный военно-стратегический пункт, а с другой — национальный символ, призванный показать преемственность между великим прошлым и настоящим российской державы. Поэтому даже вызванные прагматическими нуждами посещения государей неизбежно приобретали идеологическое значение.

Так Петр I, прибывший сюда из-за необходимости спешного строительства военных укреплений под угрозой нападения шведов, наравне с прочими почетными гостями посещал «все прославленные святостию храмы и места»⁷⁰ и поклонялся мощам печерских святых. Решение перенести киевскую крепость из города в Печерский мо-

---

⁶⁷ *Тверитинова А.С.* Извлечения из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г. // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной России. Ч. II. М., 1969. С. 298.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Записки Мухаммеда Неджати-Эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. 81. Вып. 5. С. 159.

⁷⁰ Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 2. М., 1788. С. 128.

настырь, помимо стратегических расчетов, он аргументировал тем, «что вся Украина оное место надмеру в почтении имеют», а закладка укреплений произошла 15 августа, в престольный для монастыря праздник Успения Богородицы⁷¹.

Торжественные приемы, устраиваемые местными властями для высокопоставленных гостей, демонстрируют еще одну тенденцию в формировании образа города — попытку отождествления киевской древности с «русской античностью», что соответствовало поэтическим идеалам того времени. Встречая Елизавету Петровну, студенты Киевской академии подготовили театральное представление, во время которого на колеснице, запряженной крылатыми конями-пегасами, «выезжал за город важный старик самого древнего вида, великолепно прибранный и украшенный короной и жезлом, но сделанный с молодого студента»⁷². Этот античный герой символизировал собой «древнего основателя и Князя Киевскаго, Кия», который встречал Государыню на левом берегу Днепра, приветствовал торжественной речью и, называя своей наследницей, приглашал в город. Во время визита царевича Павла Петровича площадь перед дворцом украшали изображения Плутона, Прозерпины, Нептуна и купидонов, а колокольня Киево-Печерской лавры была иллюминирована «фигурою пирамиды»⁷³. Русская древность, таким образом, фактически заменялась античной.

Целый комплекс воспоминаний связан с приездом в Киев императрицы Екатерины II. В рамках подготовки ее Таврического путешествия был напечатан путеводитель⁷⁴, куда вошло и описание Киева. По справедливому замечанию И.С. Булкиной, этот текст не столько рассказывал о достопримечательностях, сколько отражал историю последовательных разрушений некогда прекрасной древней столицы⁷⁵: «В 968 город сей был осажден печенегами; в 1080 г. сим же народом округа киевская опусташена»⁷⁶ и т.д. Из древнерусских

---

⁷¹ Журнал или подневная записка государя императора Петра Великого. Ч. 1., СПб., 1770. С. 126; Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России... Ч. 2. М., 1788. С. 336.

⁷² Конисский Г. История русов или Малой России. М., 1846. С. 244.

⁷³ Александрович Д. Дневник. Отрывки // Закревский Н. Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 98.

⁷⁴ Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России. СПб., 1786.

⁷⁵ Булкина И.С. Указ. соч. С. 44.

⁷⁶ Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России. СПб., 1786. С. 34–35.

храмов здесь упоминался лишь Софийский собор, а также Печерский, Михайловский (Златоверхий) и Выдубицкий монастыри.

Киев оставил противоречивые впечатления у императрицы: «Странный здешний город: он весь состоит из укреплений, да из предместий, а самого города я до сих пор еще не могу доискаться; между тем, по всей вероятности, в старину он был, по крайней мере, с Москву...»⁷⁷. «Все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы»⁷⁸. «От прежнего величия в нем уцелели лишь богатые храмы»⁷⁹.

Свое посещение пещер Екатерина назвала ужасной прогулкой («la terrible promenade»), которая длилась не меньше двух часов⁸⁰: «Вчерашний день Мы были в пещере и поклонились Святым Мощам, и хотя мороз был градусов до двенадцати, но в верхних пещерах Мы все были без шуб, а в нижние сошед, было так жарко, что из оных вышел не было ни единого человека, который бы не вспотел так, как в жарчайшие летние дни»⁸¹.

По словам французского посланника Л.-Ф. Сегюра, когда императрица поинтересовалась мнением собеседников о Киеве, австрийский посол граф Кобенцель, желая ей угодить, воскликнул: «Государыня, это самый дивный, самый величественный, самый великолепный город, какой я когда-либо видел!». Англичанин Фитц-Герберт отвечал: «Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избушки». А сам Сегюр заметил: «Киев представляет собою воспоминание и надежды великого города»⁸².

Русские дворяне, сопровождавшие Екатерину, судя по всему, мало интересовались городскими достопамятностями. Всё внимание в их записках приковано к императрице. «В Киев приехало множество разных вельмож, а более поляков, и двор был весьма великолепен, особливо у заутрени, в Светлое Христово Воскресение, в Печерской лавре», — писал Е.Ф. Комаровский⁸³. «У вечерни Императрица изво-

---

⁷⁷ Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. 1878. Вып.10. С. 131.

⁷⁸ Императрица Екатерина II. Письма и документы // Русская старина. Т. VIII. 1873. С. 671–673.

⁷⁹ Письма императрицы Екатерины II и И.Г. Циммерманну // Русская старина. 1887. № 8. С. 288.

⁸⁰ Русские государи в Киеве. Киев, 1896. С. 109.

⁸¹ Письма Ея Императорского Величества Екатерины II к г-ну Ерапкину // Сочинения Императрицы Екатерины II. Т. III. СПб., 1850. С. 337–338.

⁸² Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 415.

⁸³ Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 4.

лила быть в Софийском соборе... а после придворные и дворянские дамы допущены были к руке», — отмечал А.А. Полетика⁸⁴ и т.д. Находившийся в свите графа Румянцева секунд-майор Р. Каульбарс подробно перечисляет все знакомства, которые ему удалось завести во время пребывания императрицы в Киеве, лишь коротко пояснив, что помимо светских визитов, он также осматривал «все церкви, монастыри и самый город»⁸⁵.

Торжественные приемы оказывались важнее погружения в дух древности, а старинные храмы становились лишь «декорациями» для придворных интриг. «Ах! Боже мой! Какой сброд! Какая суматоха!» — отзывался о екатерининских приемах принц де Линь⁸⁶. Сегюр открыто сетовал на то, что надеялся осмотреть «разные заведения и постройки» в местах, которые посещала императорская свита, а не «видеть везде тот же двор, слушать все те же православные обедни и присутствовать на балах». На что Екатерина поясняла: «Я путешествую не для того только, чтоб осматривать местности, но чтобы видеть людей; я довольно знаю этот путь по планам и по описаниям»⁸⁷.

То, насколько второстепенными исторические ценности казались организаторам триумфального путешествия по сравнению с возможностью получить благосклонность государыни, ярко отражает эпизод из записок Д.Н. Свербеева (с Киевом, правда, не связанный). С гордостью он рассказывает о находчивости своего отца, которому поручили выстроить для императрицы путевой дворец на Перекопе. Строительных материалов не хватало, однако, по счастью, недалеко находился «какой-то замок, построенный еще владевшими некогда Крымом генуэзцами»⁸⁸. Его благополучно разобрали на камень, и, проведя в новом дворце всего одну ночь, Екатерина осталась весьма довольна и щедро наградила строителя.

Итак, выявленное разнообразие оценок наглядно демонстрирует, что единого восприятия Киева среди лиц, непосредственно его посетивших, не существовало. Многочисленные паломники видели в

---

⁸⁴ Записки о пребывании императрицы Екатерины второй в Киеве в 1787 г. СПб., 1843. С. 19–20.

⁸⁵ Каульбарс Е.К. Дневник секунд-майора Черниговского карабинерного полка барона Р. Фон Каульбарса. 1780–1790 гг. // Журнал Императорского русского исторического общества. Кн. 1. 1910. С.238–239.

⁸⁶ Письма и мысли маршала принца де Линь. Ч. 1. М., 1809. С. 75.

⁸⁷ Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 416.

⁸⁸ Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 20.

нем святой город. Этот образ поддерживался печатными изданиями Киево-Печерской лавры, но не всегда воспринимался светскими путешественниками. Образованных дворян более интересовала художественно-эстетическая сторона убранства киевских храмов, мозаики и иконы как произведения искусства. Их представления о русской старине оказывались под сильным влиянием поэтических образов античности и эталонов европейской архитектуры. Ученые воспринимали киевские древности как объект для естественнонаучных исследований. Кроме того, значительный пласт людей достопамятности, кажется, не интересовали вовсе. Киев был для них обычным провинциальным городом, военной крепостью и местом прохождения службы.

Мозаичность мнений в отношении главного символа древней русской истории укрепляет представление о значительной культурной стратификации русского общества XVIII в. и ярко характеризует сложный и длительный процесс поиска идентичности, который оно переживало после петровских реформ. XVIII столетие лишь создавало предпосылки к «открытию русской древности», которое в полной мере произойдет в XIX в.

References

Beletskiy A.I. *Obraz Kiyeva v khudozhestvennoy literature* [The Image of Kiev in Fiction] // *Naukovi zapysky Kyiv's'koho universytetu*. Vol. 3. Is. 2. 1946, pp. 5–30.

Belyayev L.A. *Khristianskiye drevnosti: Vvedeniye v sravnitel'noye izucheniye* [Christian Antiquities: An Introduction to Comparative Study]. Saint Petersburg: Aleteya, 2000. 574 p.

Bessarabova N.V. *Puteshestviya Yekateriny II po Rossii* [Travels of Catherine II in Russia]. Moscow: Eksmo, 2014. 352 p.

Bulkina I. *Kiyev v russkoy literature pervoy treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoye i literaturnoye*. Diss. PhD [Kiev in the Russian Literature of the First Third of the 19th Century: Historical and Literary Space. Diss. PhD]. Tartu University, 2010.

Ibneyeva G.V. *Puteshestviya Yekateriny II: opyt "osvoyeniya" imperskogo prostranstva* [Travels of Catherine II: the Experience of "Reclaiming" the Imperial Space]. Kazan': Kazanskiy gosudarstvennyy universitet imeni V.I. Ul'yanova-Leni-na, 2006. 254 p.

Kozlov S.A. *Russkiy puteshestvennik epokhi Prosveshcheniya: v 3 t.* [Russian Traveller of the Enlightenment: in 3 vols]. Vol. 1. Saint Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya, 2003. 494 p.

Mikhel'son V.A. *Russkiy putevoy ocherk XVIII — pervoy poloviny XIX veka*. *Avtoreferat diss.* [Russian Travel Essay of the 18th — First Half of the 19th Century. Abstract of the Doctor of Philology Diss.]. Kiev: Shevchenko Institute of Literature, 1972, 47 p.

Pashuto V.T., Florya B.N., Khoroshkevich A.L. *Drevnerusskoye nasledie i istoricheskiye sud'by vostochnogo slavyanstva* [Old Russian Heritage and Historical Fate of the Eastern Slavs]. Moscow: Nauka, 1982. 263 p.

Richka V.M. "Kyiv — druhyy Yerusalym" (z istoriyi politychnoyi dumky ta ideolohiyi serednovichnoyi Rusi) ["Kyiv is the second Jerusalem" (on the History of Political Thought and Ideology of Medieval Russia)]. Kyiv: Instytut istoriyi Ukrainy NAN Ukrainy, 2005. 243 p.

Shul'ga Ya.M. *Palomnytstvo do kyyivs'kykh pravoslavnykh svyatyń u XVIII st.: sotsioantropolohichnyy vymir. Diss.* [Pilgrimage to Kiev Orthodox Shrines in the 18th Century: Socio-anthropological Dimension. Diss.]. Kyiv National Shevchenko Universty, 2015.

Sivkov K.V. *Puteshestviya russkikh lyudey za granitsu v XVIII veke* [Traveling of Russian People Abroad in the 18th Century.]. Saint Petersburg: Tipografiya "Energiya", 1914. 134 p.

Stefko M.S. *Yevropeyskoye puteshestviye kak fenomen russkoy dvoryanskoy kul'tury kontsa XVIII — pervoy chetverti XIX vekov. Avtoreferat diss.* [European Journey as a Phenomenon of Russian Noble Culture of the Late 18th — First Quarter of the 19th Centuries. Abstract of the Candidate of History Diss.]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2010, 28 p.

Tkachenko V.V. *Drevniy Kiyev kak "mesto pamyati" v istoricheskoy soznanii epokhi Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* [Ancient Kiev as a "Place of Memory" in the Historical Consciousness of the Middle Ages and Early Modern Times] // *Istoricheskaya pamyat': travmy proshlogo, protivorechiya nastoyashchego, perspektivy budushchego* [Historical Memory: Traumas of the Past, Contradictions of the Present, Perspectives of the Future]. Saratov: ITS Nauka, 2018, pp. 223–227.

Verstyuk V.F., Gorobets' V.M., Tolochko O.P. *Ukrayina i Rosiya v istorichnyy retrospektyvi* [The Ukraine and Russia in Historical Retrospect]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka, 2004. 504 p.

Yerofalov B. *Regulyarnaya pereplanirovka Kiyeva kak opyt preymstvennogo preobrazovaniya gorodskoy struktury* [Regular Redevelopment of Kiev as an Experience of the Continuous Transformation of the City Structure] // *Suchasni problemy doslidzhennya, restavratsiyi ta zberezheniya kul'turnoyi spadshchyny* [Present-day Issues of Research, Restoration and Preservation of Cultural Heritage]. 2004. Is. 1, pp. 79–86.

Поступила в редакцию
30 мая 2018 г.